

УДК 821.161.1

Е.Д. НЕСЕРИНА
(neserinae@gmail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СВОЕОБРАЗИЕ ДИСКУРСА В РОМАНЕ ДЖ.М. КУТЗЕЕ «МИСТЕР ФО, ИЛИ ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ РОБИНЗОНА КРУЗО»*

Анализируется своеобразие дискурса в романе Дж.М. Кутзее «Мистер Фо, или Любовь и смерть Робинзона Крузо». Дж. М. Кутзее по-постмодернистски переосмысливает образную систему и сюжет романа Д. Дефо. Новая точка зрения на известную робинзонаду позволяет задуматься о границах и необходимости вымысла в художественном произведении.

Ключевые слова: дискурс, Дж.М. Кутзее, робинзонада, метатекст, художественное произведение.

Роман Дж.М. Кутзее «Фо» (в рус. пер. – «Мистер Фо, или Любовь и смерть Робинзона Крузо», 2012), увидевший свет в 1986 г., стал темой для бурных дискуссий в литературных кругах в связи с тем, что автор показал уже знакомую из произведения Д. Дефо историю Робинзона Крузо через призму восприятия героини, которой не было в романе английского писателя.

Подобно тому, как в романе Д. Дефо повествование велось от первого лица, история Робинзона в произведении Дж.М. Кутзее рассказана от лица Сьюзен Бартон, оказавшейся на острове Робинзона из-за мятежа на корабле, на котором она отправилась на поиски своей дочери. Эта форма повествования, как известно, позволяет максимально точно передать эмоции рассказчика и заставить читателя поверить в достоверность изображаемой действительности. Данная особенность повествования становится основой для сопоставления двух произведений и выявления полемической составляющей в дискурсе Дж.М. Кутзее, который меняет акценты в образной системе романа Д. Дефо и продолжает историю, рассказанную Робинзоном, но уже без ее главного участника.

Дж.М. Кутзее последовательно выявляет принципиальную разницу в восприятии реальности героями романа, вступая в спор с достоверностью истории, рассказанной Д. Дефо. Уже в первые дни взаимодействия Сьюзен Бартон и Робинзона Крузо становится очевидно, что образу Робинзона отказано в его рационалистической составляющей. Каждое предложение главной героини по улучшению их жизни, требующее больших усилий, чем уже прикладывает Крузо, отвергается им: «Простое объяснение было в том, что Крузо не желал на своем острове никаких перемен» [3, с. 8].

Остров в восприятии Робинзона Крузо выглядит совершенно не так, как его видит Сьюзен Бартон. По мере развития сюжета у читателя возникает вопрос, точно ли Сьюзен попала на тот остров, где до этого жил Крузо, тот ли это Крузо, который знаком читателям по роману Д. Дефо, и если ответ на вопросы положительный, то сколько же лет прожил он там до того, как женщину выбросило на берег? Для Робинзона из романа Дефо остров – плодотворная земля, полная возможностей для обустройства собственного жилища и последующих открытий: «Справа и слева возвышались холмы. Все вокруг зеленело, цвело, благоухало. Мне казалось, что я в саду, возделанном руками человека. Каждый куст, каждое деревцо, каждый цветок были одеты в великолепный наряд. Кокосовые пальмы, апельсиновые и лимонные деревья росли здесь во множестве, но они были дикие, и лишь на некоторых были плоды. Я нарвал зелёных лимонов и потом пил воду с лимонным соком» [2, с. 62]. Для главной героини романа Дж.М. Кутзее остров – странное место, где из всего живого есть лишь скалы, сады Крузо и малое количество цветов: «скалистая гора с плоской вершиной и крутыми обрывами над морем со всех сторон, кроме одной, поросшей унылым кустарником, который никогда не покрывался цветами и не менял листву. Неподалеку от берега в море виднелись купы коричневых водорослей; выб-

* Работа выполнена под руководством Сысоевой Ю.Н., кандидата филологических наук, доцента кафедры литературы и методики ее преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

расываемые волнами, они издавали отвратительный запах и кишели крупными песчаными блохами. Повсюду сновали муравьи, такие же, как в Баия; в дюнах обитали еще крошечные насекомые, которые прятались между пальцами ног и забирались под кожу» [3, с. 3]. Подобное изображение дикого острова кажется более достоверным и в то же время является полемикой с тем, что было описано в романе XVIII в. как райский остров, на котором человеку предоставляются все возможности для существования и созидательной деятельности с минимальным набором инструментов.

Природа острова и выстроенные Робинзоном террасы имеют большое значение для главной героини – ее мысли всё чаще возвращаются к этой части острова как во время пребывания на нем, так и после, когда она находится за сотни миль от него. Сьюзен часто вспоминает об островных деревьях и жалеет, что никто никогда не сможет их снова увидеть, думает, как могла бы сложиться жизнь, если бы будущие поколения смогли найти сады Крузо и возродить их. Она нередко размышляет о том, для кого Крузо высаживал сады, не для других ли людей? Мысль о будущем поколении, о том, как сделать жизнь других людей лучше, о возможном появлении их с Крузо детей, которые могли бы наследовать эти сады, значительно отличает восприятие происходящего главной героиней книги: если Крузо думал, как ему выжить на острове и сделать свое существование более комфортным, Сьюзен планирует не только их жизнь, но и жизнь их «семьи».

В романе Дж.М. Кутзее сады Крузо, включавшие себя «грядки дикого горького салата», совсем не похожи на поля с побегами ячменя и риса, описанные в произведении Д. Дефо. В романе «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо», который вышел в свет в самом начале XVIII в., уже отразилась мысль, которая станет ведущей в литературе этого столетия: «Нужно возделывать свой сад» – так почти через тридцать лет в афористической форме сформулирует ее Вольтер в своей повести «Кандид». Идея о прямой связи духовной составляющей человека с тем, что он оставит после себя, с результатами его деятельности отразится и в романе Дж.М. Кутзее. Из этого следует, что образ сада в каждом из анализируемых произведений является зеркалом души и духа главных героев. В романе Дефо остров, как и внутренний мир Робинзона, изобилует богатствами и возможностями для действий, он не только не истощается от постоянной деятельности человека, но и постоянно улучшается. В произведении Дж.М. Кутзее тот же остров уже видится истощенным, непригодным к комфортному существованию человека, как и сам Крузо, с точки зрения Сьюзен, почти не имеет возможности продолжать жизнь из-за истощенности духа, из-за отсутствия коммуникации и тяжёлых испытаний. Рассказчице логичным кажется то, что изнурительный физический труд, в котором проходят дни хозяина острова, и нехватка живого общения, необходимого любому человеку, не могут помочь ему в духовном росте так же, как постоянные ветры и редкие дожди не позволят бурно расти и цвести садам.

Особой темой размышлений Сьюзен Бартон становится Пятница, который воспринимается женщиной как член семьи, неотделимый ни от нее, ни от Крузо, ни от острова. Он занимает неопределимо большое место в ее сердце: сочувствие, с которым главная героиня взаимодействует со своим спутником, поражает. В то время как Крузо спокойно принял «особенность» (недуг? увечье?) Пятницы, Сьюзен настолько охвачена трагизмом его немоты, что нет ни единого мгновения, когда бы ее не волновал этот вопрос. Научно доказано, что женщины более активны в коммуникации, чем мужчины, поэтому, если Крузо не испытывает особого дискомфорта от нехватки собеседника, главная героиня произведения Кутзее старается не только разговаривать Робинзона, обсудить с ним все возможные темы, но и обучить Пятницу восприятию человеческой речи, найти способ общения с ним через музыку. Боль, с которой она воспринимает отсутствие языка у своего спутника, действительно поражает – это не просто сочувствие, это глубокое переживание, анализ собственной артикуляции и осознание невозможности того же у Пятницы. Множество построенных гипотез о том, как это могло произойти и кто мог его изувечить, снова и снова возникают в голове Сьюзен, что лишней раз напоминает о чувственности главной героини, о ее добром сердце: «Я не могла говорить, когда он находился рядом, потому что постоянно думала о том, как легки и проворны движения моего языка. Я рисовала в сво-

ем воображении шипцы, сжимающие его язык, нож, вонзающийся в него, и я содрогалась при мысли, что так все и было на самом деле» [3, с. 11].

Постмодернистская концепция «смерти языка» получает сюжетное и образное воплощение в романе Дж.М. Кутзее, давая возможность осознания относительности любого дискурса. Отсутствие языка у Пятницы особенно сильно поражает главную героиню не на острове, а за его пределами, когда приходит осознание произошедшего. Сьюзен, приняв решение сохранить историю жизни на острове как единственное наследие, оставшееся от Крузо, сталкивается с рядом трудностей, одной из которых является увечье ее спутника. Ситуация и правда затруднительна: один из участников событий, имевший возможность достоверно и подробно рассказать о них, в прошлом не обладал желанием сделать это и скончался, а его товарищ по несчастью, знавший всё от начала и до конца, был лишен языка и возможности понимать человеческую речь. Следовательно, Пятница никак не мог помочь в изложении истории, а о том, что было на острове до попадания туда главной героини, нет никакой информации. Сьюзен объясняет эту ситуацию: «Крузо не вел дневника, быть может, потому, что у него не было бумаги и чернил, но более вероятно, думаю я сейчас, потому, что у него не было желания его вести или, если такое желание когда-либо его посещало, оно его покинуло» [Там же, с. 7].

Сьюзен берется за перо и взваливает на себя «груз сочинения» истории. Необходимость в этом очевидна как для самой рассказчицы, так и для читателей романа: во-первых, история не должна быть забыта, это стало очевидно для главной героини еще на острове, а во-вторых, издание книги об этом – единственный способ получить хоть немного денег. Не сразу, через достаточно долгую рефлексию, Сьюзен все же приходит к пониманию того, что реальная версия событий не будет интересна читателям, а, следовательно, спрос на нее окажется крайне низким. С каждым словом, выходящим из-под пера главной героини, ей становится все очевиднее, почему же мистер Фо так настойчиво расспрашивал про людоедов, надеялся, что Крузо смог спасти с корабля ящик плотницких инструментов и мушкет. Со временем Сьюзен понимает необходимость создания дополнительных деталей, которым, возможно, в реальной жизни не было места: «Меня давно уже подмывает выдумать новые и еще более удивительные вещи: спасение инструментов и мушкетов с затонувшего корабля; изготовление лодки или, на худой конец, ялика, попытка доплыть до материка, высадка людоедов на остров, закончившаяся схваткой с кровавыми жертвами, и, наконец, появление златокудрого незнакомца с мешком зерен и семян на террасах» [3, с. 22]. Рассказчица понимает, что вряд ли настанет день, когда людям будет интересен «рассказ без этих удивительных, но вымышленных событий?» [Там же].

Процесс составления истории, тщательное обдумывание каждого слова, изложенные в письмах к мистеру Фо рассуждения и попытки изложить события с каждой внесенной деталью всё больше напоминают то, что уже знакомо по роману Даниэля Дефо. Дж.М. Кутзее по-постмодернистски играет с читателем: к концу повествования возникает закономерный вопрос об авторстве и достоверности истории, рассказанной в романе Дефо.

Так, автор романа исследует процесс порождения художественного дискурса и размышляет над традиционной проблемой меры правды в искусстве. «Реальная» версия событий, произошедших на острове, может оказаться невостребованной, поэтому для поддержания читательского интереса к рассказываемой истории автор дает героине возможность использовать уже известные беллетристические приемы сюжетосложения. Это ведет к рефлексии героини о способах повествования и порождает метатекстуальное образование.

Литература

1. Беззубцев-Кондаков А.Е. Двусмысленность пустыни. О прозе Джона Максвелла Кутзее. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.topos.ru/article/6548> (дата обращения: 10.01.2021).
2. Дефо Д. Жизнь и удивительные приключения морехода Робинзона Крузо. М.: Самовар, 2010.
3. Кутзее Дж.М. Мистер Фо, или Любовь и смерть Робинзона Крузо. СПб.: Амфора, 2004.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003.

EKATERINA NESERINA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE PECULIARITY OF DISCOURSE IN THE NOVEL “FOE” BY J.M. KUTZEE

The article deals with the analysis of the originality of the discourse in the novel “Foe” by J.M. Coetzee. Coetzee as a postmodernist recreates the system of characters and the plot of the novel by D. Defoe. A new point of view on the famous robinsonade allows to think about the boundaries of fiction in a novel and the necessity of it.

Key words: *discourse, J.M. Coetzee, robinsonade, metatext, fiction book.*